

Не так давно, во время поездки в электричке, я стал участником разговора, завязавшегося между моими попутчиками, на основе прочитанной в газете заметки о выступлении представителей шахтеров в Москве, затем перекинувшегося на сравнения с недавней забастовкой транспортников во Франции, и, как итог, на идею забастовки, вообще как средства достижения поставленных целей. Относясь скептически к такой возможности, собеседники сходились в том, что, тем не менее, сама возможность протеста явилась большим завоеванием демократии, ибо такое явление, как забастовка, в советское время было невозможно, а буде такое бы и случилось, то бастующих бы немедленно отправили, куда Макар телят не гонял.

Состоя с разговаривающими в шапочном знакомстве, я счел возможным вмешаться в разговор, спросив своих спутников, слышали ли они о забастовке портовых грузчиков в Игарке в 60-е годы. Оказывается, что и понятия не имеют, хотя они были в то время уже в немладенческом возрасте. Пришлось рассказать им эту историю. Потом я подумал: «Если эти, вполне взрослые люди столь плохо осведомлены о реальных событиях в своем крае, то что говорить о молодежи, и насколько легко им «пудрить мозги» байками о тупых «совках», бесправных и замордованных «коммуняками».

Поэтому у меня появилось желание пересказать рассказанную мной в поезде историю более широкому кругу собеседников — читателям «КГ». Авось кого-то это заставит задуматься о прошлом и настоящем и сделать выводы на будущее.

Для начала, читателю надо представить себе панораму Игарского морского порта, крупнейшего экспортного центра для ангарской древесины. В те годы в разгар лета на рейде и у причала порта грузилось одновременно по 10—12 теплоходов, советских

и иностранных, каждый из которых брал в трюмы и на палубу тысячи кубометров отборных пиломатериалов. Лес этот в основном поступал из Лесосибирска и Маклакова погруженным на речные баржи в соответствии с конкретными заказами и графиком прихода конкретного судна. Примерно третью часть экспортного объема составляла продукция Игарского лесокombината и грузилась с причала. Для производства погрузки ежегодно завозили «вербованных» из центральных областей России. Было и порядком «перекати-поле», но основную массу составляли

лесовозов — значительная часть судов не грузилась, в том числе западногерманский теплоход, стоящий у причала. Бригадир, работавший на судне, не раз прибежал, звонил по телефону в разные инстанции, длительно и замысловато изъясняясь на «великом, могучем», но безрезультатно. Наконец, часа в 3 — 4 ночи, вся бригада сошла с корабля и расположилась спать в коридоре конторы. К 8 часам утра, когда очередная смена начала подходить и грузиться на катера, чтобы разъезжаться по судам, стоящим на рейде, члены бригады, сошедшей с «немца», встретили своих товарищей у причала катеров, провели с ними «работу» и

таться шишки разных калибров, из Норильска было переброшено войсковое подразделение, на случай стихийных беспорядков. Однако бастующие вели себя очень дисциплинированно и организовано, избрали своих представителей для изложения претензий и требований. На советских кораблях ситуацию узнали быстро, связавшись с берегом по радио. Иностранцы же, не имевшие такой возможности (радиостанции кораблей опечатывались по прибытии в порт), начали призывно гудеть, и мне пришлось их объехать и выкручиваться. Поскольку предполагалось, что конфликт будет разрешен в считанные часы, то иностранцам было дано разъяснение, что в течение целого месяца грузчики не имели выходных и теперь решили устроить себе день отдыха. Однако и на другой день ни одна бригада не приступила к работе. Тут уж деваться было некуда, и пришлось сказать, что де у нас демократия: хотим — работаем, хотим — бастуем.

Это продолжилось дня четыре. Московские инстанции, в первую очередь партийные и КГБ, признали обоснованность требований и быстро разрешили все проблемы, которые в принципе можно было разрешить на месте. Даже рукавицы завезли самолетом. После чего работа не только возобновилась, но пошла организованнее, за простои стали платить по среднему заработку. Никаких поисков зачинщиков не было, так же как и репрессий. Кое-кому из руководства накрутили хвост, а Федирко получил символическое наказание: был переведен с понижением в Ачинск, откуда вскоре перебрался в Красноярск, где скоро стал партийным руководителем края, а потом перевелся в Москву, оставив в Красноярске после себя неплохую память.

Этот факт был ярким примером рабочей солидарности и показал ее силу и действенность.

С другой стороны, он иллюстрирует быструю реакцию тогдашних властей на такую чрезвычайную ситуацию. Сейчас, при хваленной демократии, рабочий класс, дезорганизованный и расчлененный, не получающий месяцами зарплаты, покорно молчит, или изредка робко митингует, а рдетели прав человека плюют на все эти митинги и протесты с высоты кремлевских башен.

Вот и задумайся, товарищ рабочий, кто есть кто, и с кем ты?

П. П. СОКОЛОВ.

Красноярск.

● Далёкое — близкое

60-е. ИГАРКА. ЗАБАСТОВКА.

порядочные работы, желавшие подзаработать. Некоторые приезжали неоднократно. Были среди них и партийцы, создававшие свою временную парторганизацию.

Вот в то памятное лето, то ли 63, то ли 64 г. на погрузке царил большой беспорядок, в принципе существовавший все да, в той или иной степени: что сто груз на баржах то был перепутан, то запаздывал к приходу теплохода и т. д. Хуже всего, что и Игарский комбинат не обеспечивал бесперебойность погрузки своей части экспорта. В результате простои бригад приняли массовый и систематический характер, что больно било их по карману, т. к. простой оплачивался из расчета 50% тарифной ставки. Было много и бытовых неурядиц, плохо обстояло дело с рабочей одеждой, в частности с рукавицами. Жалобы и индивидуальные, и коллективные, направляемые руководству погрузки и комбината, в партийные органы города не приносили сдвигов.

Я не был связан непосредственно с производством работ, но был в курсе всех дел, т. к. в качестве переводчика постоянно бывал на иностранных судах, начиная от их прихода на внешний рейд и до окончания их погрузки. Режим работы у меня был свободный, что обуславливалось и круглосуточностью погрузки, и практически круглосуточностью пляжного дня.

В один субботний вечер, точнее после полуночи, я сидел в конторе и писал письма, пользуясь тишиной и отсутствием обычной суеты. Впрочем тишина эта была несколько чрезмерной: не было обычного трудового ритма, грохота лебедек, якорных цепей, шума проезжающих

вернулись с ними в контору, объявив о начале забастовки. Вскоре к ним присоединились бригады, вернувшиеся с кораблей после ночной смены.

Появившееся руководство погрузки забило тревогу, но собрать высшее начальство было

делом нелегким: кто-то спал, кто-то поехал с ночи на охоту или рыбалку. Все же часам к 10 они начали прибывать, обещать разобратся и т. д., призывая выйти на работу. Но рабочие наотрез отказались, пока не будут выполнены их требования. В конце концов прибыл и секретарь горкома КПСС П. С. Федирко. Когда и его увещевания не помогли, забастовка приобрела уже официальный характер, и руководство по своим каналам было вынуждено проинформировать свои ведомства.

Все были в шоке. Из Красноярска и Москвы стали сле-